

ПЕРВЫЕ ЛЖЕМОНАРХИ-НИЖЕГОРОДЦЫ (П. И. Китаев, А. И. Крекшин)

О.Г. Усенко

Тверской госуниверситет

Краткие очерки о П. Китаеве и А. Крекшине уже публиковались¹. Однако многие факты, связанные с жизнью и похождениями этих самозванцев, до сих пор не введены в научный оборот. Ещё одним доводом в пользу дальнейшего исследования служит наличие в исторической литературе противоречивых суждений о А. Крекшине. Таким образом, целью настоящей работы является создание максимально полных и научно обоснованных биографий указанных выше лиц.

Пётр Иванов сын Китаев (Китов, Никифоров) был православным и, очевидно, русским². Родился он предположительно в 1673–1677 г.³ в деревне Уткиной (Утка) Нижегородского уезда, расположенной на вотчинных землях Ивана Иванова сына Чаадаева⁴. Около 1686 г.⁵ Пётр вместе с отцом (о матери известий нет) перебрался в государственное село Можарово (Дмитриевское), расположенное в Сергачской волости Нижегородского уезда, «и жил с отцом своим в одном доме лет с шесть и болши». Потом (стало быть, примерно в 1692/1693 г.) Пётр женился и, «отделяс от отца своего», стал жить «своим домом в том же селе Можарове»⁶. Вскоре у него появились дети⁷. Можно полагать, что он бедняком не был, т. к. у него имелась лошадь⁸.

П. Китаев был неграмотен⁹, но при этом, по всей видимости, очень интересовался духовной литературой, которую воспринимал на слух. Так он познакомился с Евангелием, а также с двумя сборниками, издревле популярными на Руси, но впервые напечатанными в 1640-х гг., – «Прологом» и «Ефремом»¹⁰. Под последним надо, очевидно, разумеать «Паренесис» – переводной сборник «слов» (поучений, легенд, сказаний о святых и эсхатологических пророчеств), основную часть которого составляли произведения сирийского богослова, писателя и поэта Ефрема Сирина¹¹. «Пролог» же представлял собой подборку житий, ведущую своё происхождение от византийских месяцесловов (синаксарей); одна из его редакций была дополнена поучениями и притчами – в том числе из «Паренесиса»¹².

Судя по тому, что эти книги П. Китаев называл «старыми»¹³, он имел дело с дониконовскими изданиями. Не исключено поэтому, что круг его общения составляли, хотя бы частично, «староверы». И хотя потом Пётр уверял следователей, что «расколу де он не держитца, и расколщиков никого не знает, и у расколщиков книг ни у кого не слушал»¹⁴, тем не менее с конца 1697 или начала 1698 г.¹⁵ он стал вести себя как духовный оппозиционер и «пророк» – открыто ругать «православную христианскую веру». Примерно в это же время¹⁶ его осенило,

[с. 206]

что он самим Господом уготован к тому, чтобы жениться на царевне Софии Алексеевне¹⁷. И эту идею, пока ещё не высказанную вслух, и вызывающее поведение П. Китаева можно объяснить, судя по его показаниям, зародившейся у него душевной болезнью, а также

будоражившими народ слухами и толками – например, молвой о подмене Петра I «немцем»¹⁸ и о воцарении в России Антихриста (грядущем или уже свершившемся)¹⁹.

Местный священник Никита Иванов, духовный отец Петра, попытался образумить его традиционными методами – телесными наказаниями, заключением под стражу и молитвами. Вот что вспоминал П. Китаев 21 января 1703 г.: «А тому лет с пять тот ево, Петров, отец духовной Микита, поймав в Ондосове (видимо, это село Андросово, расположенное к юго-западу от Сергача²⁰ – О. У.) на торгу, бил ево и увечил неведомо за что, и увёз, сковав ево, в село Богороцкое (в окрестностях Сергача были два села с названием Богородское – одно севернее волостного центра, другое южнее²¹ – О. У.), и ис того села Богороцкого ево отпустил. И он де, Пётр, с того числа за тою ссорю с тем попом в церков и не ходил, толко де а в дом де ево, Петров, он, поп Никита, со всякою требою ходил; а как он к нему, Петру, в дом ево с требою прихаживал, и он, Пётр, от того отца своего духовнаго ухоранивался, боясь ево»²².

Возможно, односельчане и посчитали его сумасшедшим, но на правовом статусе и повседневной жизни П. Китаева это не отразилось. Получив несколько «знамений» во сне и наяву²³, Пётр наконец открыто возвестил о своих притязаниях на монарший статус. Вероятно, это он сделал в октябре 1702 г. перед односельчанами²⁴. Кто-то из них донёс в Сергач местному воеводе, и тот послал по его душу людей. Самозванец был схвачен, по всей видимости, в конце октября. При задержании он пытался бежать, затем оказал сопротивление – ударил ножом местного дьякона, погнавшегося за ним. Правда, сам П. Китаев утверждал, что это произошло случайно: «А дмитровского де дьякона Васил[ь]я Иванова нарочно он ножом не резывал: наткнулся у него на нож тот дьякон сам, потому как де по него, Петра, приезжали для поимки сергачские земские избы денщики, и в то де число он, Пётр, от них побежал, и с теми де денщиками гнался за ним и тот дьякон, а он де в то число резал вожжи, для того что зацепились за колесо, и дьякон де стал ево хватат, и упали они оба под колесо, и в то де число тот дьякон на нож ево наткнулся сам»²⁵.

Сразу после поимки лжемонарх предстал перед воеводой Вадской и Сергачской волостей Михаилом Молвяниновым. В ходе «роспроса» Пётр «говорил православной христианской вере противно, и святым иконам не поклонялся, и в противности де своей про Ево государево величество говорил непристойные слова...» Воевода заключил, что Китаев – «расколщик». Чтобы убедиться в этом, он «роспросил»

[с. 207]

жену и детей самозванца²⁶. После этого материалы первичного следствия были посланы в Приказ Большой казны (получены 8 ноября 1702 г.). В ответ воевода получил указ о присылке самозванца в Москву. Китаев прибыл туда 17 января 1703 г., а 20 января из Приказа Большой казны был отослан в село Преображенское²⁷.

В Преображенский приказ лжемонарха доставили 21 января. В тот же день он подвергся «роспросу» в присутствии главы приказа князя Фёдора Юрьевича Ромодановского. Китаев поведал факты своей реальной биографии²⁸, рассказал об обстоятельствах задержания²⁹ и вновь предстал в образе пророка и жениха царевны. Вот что он поведал: «Государя де царя Петра Алексеевича и государя царевича на Москве нет – изведены: извели бояря да немцы; а кто имяны, того не ведает; а ведает он про то Святым Духом, а ни от ково про то не слышал.

Трет[ь]я де колесница времени пришла, и быть было клятве – клясть было Антинаила, а по-книжному Антихриста; а Антихрист де ныне есть, а стал быть с Рожества Христова тому ныне пятой год, насел перед Рожеством Христовым (т. е. с 25 декабря 1698 г. – О. У.) с пятницы на субботу, и живёт и ныне в Московском государстве, и сидит ныне на царстве, а не царь Пётр Алексеевичь. А царя де Петра Алексеевича естли ему, Петру, покажут, и он де ево узнает, а тот де Антихрист ему, Петру, не покажетца.

А знает де он, Пётр, что есть Антихрист, по Божию велению: как де ему, Антихристу, насесть на царство, он де в то число в доме ево, Петрове, явился ему во сне с пятницы на субботу.

А клять де было ево, Антихриста, чтоб он в церкви не был и царством бы не помутил.

Для ево ж, Антихриста, царь Пётр Алексеевич стал бы соборовать девять соборов и ставит те соборы в Сергацкой волости в селе Дмитриевском, и быт было трём свадьбам: женитца ему, Петру, на царевне Софее Алексеевне, да царю Петру Алексеевичю, да татарину Алексею, а как отечество и прозвание – не упомнит; а тот де татарин живёт от села Дмитриевского верстах в десяти в деревне Моклакове в татарской слободе; а на ком де было царю Петру Алексеевичю и тому татарину женитца, того он не ведаёт. А что было ему женитца на царевне Софии Алексеевне, про то он уведал Святым Духом.

Было ему явление наяве ввечеру: образ Казанские Богородицы, Святителей образ, Евангелие и вся сосуда церковная.

И то Евангелие ему, Петру, несть было на голове, а образ Пресвятыя Богородицы несть было за ним на грудях царю Петру Алексеевичю, а Спасов образ несть было супротив пупа татарину Алексею от того татарина из Моклокова в село Дмитриевское.

А царя Петра Алексеевича в то число взят было ему с Москвы.

А ево де, Петрово, имя положено в старых книгах – в Ефреме, и в

[с. 208]

Прологу, и въ Евангелъе, в которых урочищах родина ево в Сундовине речке (имеется в виду Сундовик, правый приток Волги³⁰ – *О. У.*); а положено для спору; а кто те книги станет честь, и сам тот ево имяни доберётца³¹.

Как видим, показания П. Китаева сбивчивы: царя Петра I в Москве вроде бы нет, но в то же время он там; с одной стороны, Пётр I – слуга Антихриста, но с другой – соучастник самозванца, обличителя главного врага христиан. На трёх пытках (3, 16 и 20 февраля) Китаев лишь повторял приведённые выше показания, утверждая, что соучастников и вдохновителей у него не было («говорил он, Пётр, те все вышеписанные слова собою»)³². 2 марта 1703 г. самозванец был бит кнутом, а на следующий день послан «под начал» в Кириллов-Белозерский монастырь. Сопроводительным указом предписывалось Китаева «держатъ в Кирилове монастыре и приводит ево к церковному пению и х келейному правилу, чтоб он в расколе исправился и был всегда в Кирилове монастыре в лицах. <...> А без нашего, великого государя, указу и без грамоты ис Преображенского приказу ево, Петра, ис-под начал свобожат не велели»³³. Больше о нём известий нет.

В заключение отметим: П. И. Китаев – самозванец, у которого, по всей видимости, не было сторонников и который не был связан с активными движениями социального протеста. С точки зрения типологии лжемонархов³⁴ он – «блаженный» и «народолюбец».

Андрей³⁵ Иванов сын Крекшин был, видимо, православным³⁶ и русским³⁷. Родился он примерно в 1693–1695 г.³⁸ в д. Афинеево (Афонеево, Вофиняева, Офиняева) Угличского уезда, которая находилась «близ дворцового села Богоявленского» и принадлежала его отцу³⁹. Последний – Иван Иванов сын Крекшин – «служил по Угличю в рейтарех» и относился к мелкопоместным дворянам, ибо владел одной лишь указанной деревней, да и в той было «тринатцать дворов крестьян да четыре семьи деловых⁴⁰ людей»⁴¹. Мать будущего лжецаревича звалась Прасковья Григорьева дочь. У него была также сестра Пелагея⁴².

Все они жили в родовом поместье примерно до конца мая 1708 г.⁴³. Тогдашней весной, как рассказывал впоследствии Андрей, их деревня опустела, ибо все «люди и крестьяня от тягости податей и от скудости збежали». Крекшины побыли ещё в деревне «месяца з два и, оставя то пустое поместье и дворовое строение, летнею порою перед Петровым днём (29 июня⁴⁴ – *О. У.*) приехали к Москве на своих домовных лошадях»⁴⁵.

По приезде И. И. Крекшин снял «двор в Мещанской слободе у посацкого человека Григорья Панфилова» в приходе Троицкой церкви, что на Капельках. «И жили бес поручной записи, а живучи отец ево на том дворе, кормился, что продал деревенской свой завод⁴⁶, хлеб и скотину, и дочь свою Прасковью выдал замуж Тобольского полку за вахмистра Ивана Семёнова сына Кулпанова с приданным платьем. И жила

[с. 209]

она с мужем на квартире в Кадашевской слободе...» Андрей же по-прежнему «жил с отцом своим на вышепомянутом наёмном дворе»⁴⁷. Читать и писать он так и не научился⁴⁸, более того, совсем отбил от рук – стал «ходить по кружалам (кабакам. – О. У.) пить и бражничать», пристрастился играть в карты и в зернь. За это отец «бывал ево, Андрея, жестоко», и юноша сбежал из дома⁴⁹.

Приблизительно 20/24 марта 1710 г.⁵⁰ он покинул Москву и направился «в Синбирской уезд... к свойственнику своему к дяде троюродному... Давыду Семёнову сыну Племянникову...»⁵¹. Тот, по словам самозванца, был комендантом «Урянского пригорода», под которым, видимо, нужно разуместь Уренско-Карлинскую слободу, располагавшуюся к западу от Симбирска в верховье р. Урень – правого притока Суры⁵². В доме дяди Андрей прожил «года з два». Где-то в середине октября 1712 г. комендант, «присмотря за ним пьянство, з двора от себя ево сослал, и в том пригороде жить ему приказал, и для того велел ево вывести за город денщику своему Егору Иванову»⁵³. В дорогу Андрей получил «десять алтын»⁵⁴ (30 коп. – О. У.) да бараньи рукавицы «с vareги»⁵⁵.

Беспутный «недоросль»⁵⁶ двинулся обратно в Москву⁵⁷. Он планировал добраться поначалу до с. Коврово Суздальского уезда (владение Спасо-Евфимьевского монастыря⁵⁸), а там напроситься в попутчики к приехавшим на ярмарку москвичам⁵⁹. «И идучи дорогою, пришел того ж Синбирского уезду в село Кандарати... (видимо, Кандарать, на р. Барыш – правом притоке Суры, к западу от Симбирска⁶⁰ – О. У.). И в том селе жил с неделю в харчевне у харчевника».

В начале ноября он двинулся далее, «и на дороге де в Арзамаском уезде за рекою, что славёт Пьяная, в урочище Осинках воровские люди ево, Андрея, ограбили: сняли с него кавтан сермяжной, да шубу овчинную нагольную, шапку серую с чёрным овчинным околышем, да рукавицы... которое дал ему... камендат Давыд Племянников. И после де того грабежу, будучи в том же Арзамаском уезде в боярской вотчине в селе Янове... выпросил того села у старосты... кавтанишко сермяжной ветхой черной, – сказал ему, что он ограблен»⁶¹. Затем Андрей перебрался «в Нижегородской уезд в поместье Дмитрея Афанасьева сына Жердинского в село Пицу Косикину х крестьянину Афонасью Чернышёву с товарищи»⁶². Там он потом «жил недели с четыре у крестьянина Артемья Михайлова – работал на него всякую крестьянскую работу ис прокорму»⁶³.

Утром 6 декабря 1712 г. А. Крекшин вновь направился к Москве⁶⁴ – по Большой Казанской дороге⁶⁵. Он выглядел бедняком: всё тот же выпрошенный старый кафтан, поверх него – столь же ветхая баранья шуба, на ногах – лапти⁶⁶. Его физический облик был таким: рост средний или чуть ниже среднего; плечи широкие; волосы светло-русые, «острижены по-крестьянски»; лицо плоское, без усов и бороды, кожа светлая⁶⁷.

[с. 210]

Вечером 6 декабря – «в Николаев день зимняго»⁶⁸ – А. Крекшин оказался в д. Старое Борцово⁶⁹ Терюшевской волости⁷⁰ Нижегородского уезда, которое было частью вотчины бывшего грузинского царя Арчила II Вахтанговича⁷¹. «И присмотря он, Андрей, на дворе у крестьянина Анисима Савельева многолюдство гостей, попросился к нему, Анисиму,

начевать...»⁷² При этом Крекшин поведал, что «ехал де он из Синбирска до села Коврова, которое за Вязниковскою слободою на реке Клязме, и на дороге де за рекою Пьяною ограбили ево воровские люди»⁷³ и что «после де того грабежу нынешнюю ночь начевал он в Нижегородском уезде разных помещиков в деревне Пице...»⁷⁴ А. Савельев «на двор к себе начевать ево пустил и для той праздничной поры с теми своими гостями поил ево, Андрея, пивом»⁷⁵. Утром Крекшин сообщил хозяину, что «он синбиренин посадской человек, Андреем зовут Иванов сын..., и из дому от него не пошёл, а просил... чтоб ему у него, Анисима, в доме пожить малое время...»⁷⁶ – пока ему не удастся заработать «у крестьян что ни есть себе на одежду, потому что в то время были морозы и безодежному итти к Москве было ему невозможно»⁷⁷. Анисим и его сыновья уважили просьбу Андрея⁷⁸.

Как потом вспоминал А. Крекшин, «во время того ево житья он, Анисим, ево, Андрея, за нищество и что он ограблен, да и для того, что он, Андрей, работал домовную ево работу, поил ево и кормил. Также и у иных той же деревни у крестьян у трёх человек... крестьянскую их работу из хлеба работал же. Да и для того работал, чтоб ево ис той деревни они, крестьяня, не выслали. А житьём окромя того Анисима у иных ни у кого в той деревне Борцове он, Андрей, не живал. Толко о том, что он пришлой и жил у того Анисима, ведали той деревни все крестьяня и ево видали – для того, что он... ни от кого не скрывался, а ходил явно и многожды с ними, крестьяны, на улице сиживал. И живучи в доме у того Анисима, от пришлых к нему людей ни от кого в кут не прятывался. Толко когда прилучатца у него, Анисима, посторонние какие люди или стоялцы – проезжие и прохожие люди, и в то де время из ызбы от него, Анисима, выхаживал он, Андрей, в баню ево, Анисимову, от утеснения, а не для каковы скрывателства»⁷⁹. Свидетели подтвердили, что о нём «ведали той их деревни Борцова все крестьяне – для того, что он, пришлой, выходя на улицу, многожды сиживал с крестьяны... и игрывал с малолетними их, крестьянскими, детми, а ни от кого не скрывался...»⁸⁰

Статус наёмного работника не мешал Крекшину ходить вместе с Анисимом Савельевым и его сыном Фёдором «по другим крестьянским домам» и пить в гостях праздничное пиво⁸¹. Но приниженное положение всё же не устраивало Андрея, и он стал на путь самозванства – сначала вельможного, а затем и царственного⁸². Как показали на допросе его хозяева, он «в разные времена сказывал им, что он гостиной сын, а в ыные времена сказывался боярским человеком, Андреем зовут

[с. 211]

Иванов сын Страхов, а по пьянстве, как бывал пьян, назывался великим государем царевичем и великим князем Алексеем Петровичем: а с Москвы де он сошел для того, что взял ево хмель»⁸³.

В облике лжемонарха пришелец предстал перед своими благодетелями примерно 10/14 декабря 1712 г.⁸⁴. Сам он об этом вспоминал так:

«И во время де у того Анисима житья своего, будучи во пьянстве, в два пойма, сидя с ним, Анисимом, да с сыном ево... Фёдором в бане и пьючи пиво, он, Андрей, великим государем и царевичем и великим князем Алексеем Петровичем назывался – для того, что той деревни староста Яков Данилов со крестьяны говорили ему, Андрею, прежде того в два пойма ж, чтоб он из деревни их Борцова шол вон – для того, что им пришлых людей держать у себя заказано, да и крестьянин де Анисим з двора от себя ссылать было ево стал же. И в те де два пойма, сидя в той бане он, Анисим, с тем своим сыном Фёдором ево, Андрея, уверяя, доспрашивался, подлинно какова он чину. И по тем ево спросом для того он, Андрей, благородным государем царевичем Алексеем Петровичем им и назвался собою, чтоб они з двора ево от себя не сослали и поили б и кормили, а не для какова возмущения в народ и бунту и к воровству. И таких слов говорить ево никто не научал, и кроме тех крестьян иным никому таких слов не говаривал. А сказал им, Анисиму и Фёдору, будто он с Москвы сошёл

от пьянства. Только де они, Анисим и Фёдор, тех ево слов в ыстинну не ставили и вместо государя царевича не вменяли, а говорили: "Невозможно де сему быть; наш государь царевичь и ныне в Санкт-Питербурхе, а ты де и в персонь ево нимало не приличен; знатно де, ты – бродящей человек; ходя, пьянствуеш"⁸⁵.

Свидетели «проявления» тоже утверждали, что не верили самозванцу: «И тех ево слов в правду они не ставили – для того, что он пьянствовал, и за Государя царевича не вменяли, и в народе такова соблазна никому не сказывали...»⁸⁶

Хотя лжецаревич среди местных жителей сторонников не обрёл (правда, в литературе существует и другое мнение⁸⁷), однако и не пострадал. И это при том, что о его мифической ипостаси узнали «деревни Борцова крестьяня мужеска и женска полу многие» и что пошла молва, будто он «показывал им, крестьяном, на себе знак, и сказывал: тот де знак на нём начертан, как он родился. И грамоте де и писать он умеет и говорит многими иностранными языки»⁸⁸. Сам Крекшин потом отрицал, что говорил кому-либо о «царском знаке» на своём теле⁸⁹. Да и в самом деле никто никаких «знаков» у самозванца не видел⁹⁰. Возможно, эта деталь попала в молву без участия самозванца – из фольклорных представлений о «подлинном государе»⁹¹. Данный комплекс воззрений включал также представление о грамотности «настоящего» монарха, и тут уже А. Крекшин себе подыгрывал. Как показал сын А. Савельева Фёдор, «в одно время... в разговорах сказал он, самозванец:

[с. 212]

"Я де писать умею". А при них ничего не писывал, и чернил и бумаги при нём не было»⁹².

Итак, в лучшем случае у Крекшина были сочувствующие. К ним, помимо жителей д. Борцово, можно отнести Емельяна Борисова, сына просвирницы из лежавшего по соседству с. Успенского. В середине декабря 1712 г. он, «пришед в тое деревню Борцово, был, переходя по дворам, у многих крестьян в гостях»⁹³. По словам самозванца, они однажды вместе очутились «деревни Борцова в мирской бане... И, парясь де в той мирской бане, он, Емельян, говорил ему, Андрею: "Слышал де я от человека, что ты называешся государем царевичем и сказываеш де, что на тебе и знак есть". И, говоря те слова, он, Емельян, на нём, Андрее, осматривал, подлинно ль знак на нём есть. И он де, Андрей, против тех ево, Емельяновых, слов ему, Емельяну, сказал, что он подлинно государь царевичь и с Москвы сошёл тайно от пьянства; "А знаку де никакова на мне нет". И тот де Емельян тем ево словам не верил же, а говорил: "Когда б де ты такой человек был, и за тобою были б люди, также и платье было на тебе хорошее"»⁹⁴.

На следствии Е. Борисов говорил, что поскольку «знаку никакова на нём, Андрее, он, Емельян, не присмотрел», то и «за государя царевича ево не вменял и тем ево словам не верил»⁹⁵. Но в истинности этих показаний можно усомниться. Двамя годами ранее, в январе/середине марта 1713 г.⁹⁶, Емельян прямо-таки убеждал односельчан, что «в вотчине... Меретийского царя в деревне Борцове есть пришлой человек... и тот де пришлой называетца Великим Государем благородным царевичем и Великим Князем Алексеем Петровичем; "Я де ево видел: собою де он не болно низок, в плечах широк, плоск лицом де и волосом бел. И парился де я с ним в бане и видел на нём знак... И обуватца де он не умеет, а ходит де в баранье шубе, и грамоте де и писать он умеет, и говорит разными языки, а пива и вина не пьёт..."»⁹⁷

Эти речи слышал, в частности, Семён Кривой, успенский псаломщик и пономарь⁹⁸. Судя по тому, что он тоже не побежал доносить, к сочувствующим лжецаревичу можно отнести и его. Правда, спустя два года на следствии он заявил, что не поверил рассказчику: «И выслушав он, Семён, те ево, Емельяновы, слова, избранил ево, Емельяна: "Полно де, сукин сын, врать! Где де царевичю быть – он де, Государь царевичь, в Санкт-Питербурхе при Государе!", – и, поклонясь, пошёл он, Семён, от него, Емельяна, прочь...»⁹⁹ Но ведь Семён мог и лгать следователям, пытаясь оправдаться, – не так ли?

Молва о самозванце распространялась в с. Успенском устами не одного лишь Е. Борисова¹⁰⁰. Возможно, она пошла бы и дальше, но лжецаревич примерно 18 декабря¹⁰¹ покинул Борцово, наняв хозяйского сына Фёдора, дабы тот на подводе отвёз его в с. Коврово «для взятъя долговых своих денег того села на крестьянех... А за провоз рядил дватцать алтын (60 коп. – О. У.) и денги обещал дать в том селе, взяв

[с. 213]

те свои долговые денги, а сам хотел остатца в том селе»¹⁰². Накануне¹⁰³ А. Крекшин «писал в Москву к свойственнику своему Тоболского полку к поручику Степану Иванову сыну Колоколцову, чтоб он просил отца ево, Андреева, о прощении ево, Андрея, а будет отец ево простит, и он бы, Степан, приехал с Москвы в то село Коврово на ярмонку и взял бы ево с собою к Москве, потому что в том селе ярмонка бывает о празднике Рожества Христова. А то письмо к тому Колоколцову писал по ево, Андрееву, прощению в деревне Борцове из проезжих людей один человек... которые чрез ту деревню ехали з говьяжьим салом к городу Архангелску. Дал тому писцу за работу четыре денги»¹⁰⁴.

Видимо, утром 22 декабря¹⁰⁵ Андрей и Фёдор прибыли в Коврово, «и въехали на постоялой крестьянской двор... и на том дворе начевали две ночи. И с того двора днём ходил он, самозванец, на торг...»¹⁰⁶ При этом он Фёдору ничего не заплатил, «да и лошад де ево, будучи в том селе на постоялом дворе, хозяину отдавать было не велел – для того, чтоб он, Фёдор, от него ис того села не уехал один»¹⁰⁷. Однако ни С. И. Колокольцова, ни знакомых москвичей Андрей не сыскал и утром 24 декабря отправился обратно в Борцово¹⁰⁸. Своему возникшему он пообещал заплатить позже – «выработав денги в той деревне Борцове у крестьян»¹⁰⁹. Кстати, в Коврово не повезло Крекшину дважды – какому-то приезжему дьячку¹¹⁰ он заказал «писать грамотку к дяде своему Давыду Семёнову сыну Племянникову, а велел де в той грамотке писать, чтоб он, дядя, ево, Крекшина поберёт и был бы к нему добр»¹¹¹. Дьячок либо решил посмеяться над неграмотным заказчиком, либо тоже всего лишь делал вид, что умеет писать, – в общем, за свои деньги Андрей получил бумагу, испещрённую каракулями, которые лишь отдалённо походили на слова¹¹² (была изъята у него при первом аресте и весьма озадачила следователей¹¹³).

Вечером 27-го или утром 28 декабря¹¹⁴ путешественники вернулись в дом А. Савельева. Фёдор стал у самозванца «просить за провоз денег, и он сказал, что взять негде: "Как де будут, тогда и отдам". И к тем словам он ж, Фёдор, говорил ему: долго л ево им кормить? И он сказал: "В чест[ь] ли де ты меня кормиш"»¹¹⁵. Тогда хозяева стали прогонять его, и 29 или 30 декабря¹¹⁶ Андрей от них ушёл¹¹⁷. Покинув Борцово, он отправился в мордовскую д. Сыскино (Сескина¹¹⁸), также относившуюся к Терюшевской волости Нижегородского уезда¹¹⁹. Там он жил «у мордвина Василья Псаргина недели з две... работал... всякую работу ис прокорму». Затем Андрей на тех же условиях жил в мордовской д. Шонихе «у мордвина ж Алексея... недели з две ж... А ис той деревни Шонихи пришёл он, Андрей, по-прежнему в... деревню Борцово...»¹²⁰ Там он оказался, видимо, вечером 29 или 30 января 1713 г.

Поначалу Крекшин хотел вновь остановиться у А. Савельева, но получил от ворот поворот¹²¹. Его приютил крестьянин Аггей

[с. 214]

Михайлов¹²², у которого самозванец «жил дни с три», причём «пустил ево жить он, Агей, для домовной же своей работы»¹²³. Однако наш герой начал требовать от крестьян, чтобы они помогли ему добраться до Москвы. По словам старосты Якова Данилова, лжецаревич «стал брать подводы насилством, и сказывал у себя указы»¹²⁴. Возможно, Крекшин пугал тем самым листом с каракулями, который был вручён ему в Коврово. Однако Я. Данилов

подозревал, что перед ним беглый солдат¹²⁵. Утром 1 или 2 февраля¹²⁶ у них был решающий разговор. Староста «ево, Андрея, ис той деревни высылал же, а говорил, что Терюшевской волости прикащики держать пришлых людей в той деревне ему, старосте, не велели; "А будет де ты не послушаеш и из деревни вон не выдеш, и те де прикащики по тебя сами будут"»¹²⁷. Сразу после этой беседы Я. Данилов поехал в с. Терюшево (Терюши¹²⁸) и донёс на «пришлого человека» Максиму Потапову сыну Бедауру¹²⁹ – приказчику нижегородской вотчины Арчила П¹³⁰.

Вечером того же дня¹³¹ М. П. Бедаур с тремя помощниками и тремя крестьянами явился в Борцово¹³². Терюшевские мужики и один из помощников Бедаура вместе с Я. Даниловым составили группу «погонщиков» – отправились ловить самозванца¹³³. Остальные ждали их на дворе у старосты¹³⁴. Крекшин, увидев, что по его душу пришли, покинул избу А. Михайлова через окно¹³⁵ и «з двора ево, Агеева, сошёл... тайно на двор же к соседу ево... х крестьянину Мелентью Степанову и, взбежав в ызбу, спрятался было на полатах»¹³⁶. Это произошло на глазах самого хозяина, который «был в той ж своей избе, толлок в ступе овёс»¹³⁷. Но тут же вбежали в избу «изветчик Яков Данилов с погонщиками... и с собою привели... соседа ево, Мелентьева, Агея з женою ево Матрёною, и того пришлого человека, с полатай сняв, повели с собою на двор того изветчика... А Агея Михайлова з женою те погонщики з двора ево, Мелентьева, отпустили и ево, Мелентья, не взяли ж»¹³⁸.

М. П. Бедаур с помощниками учинили пойманному допрос: «И спрашивали они ево, какова он чину, и для чего в деревню Борцову пришол, и давно л и для чего живёт. И он, пришлой, ничего им не сказал и слов никаких с ними не говорил – всё молчал»¹³⁹. Тогда они приказали раздеть Крекшина¹⁴⁰. Когда с него сняли рубаху, они «осматривали ево, Андрея, кругом»¹⁴¹ – «не бит ли он кнутом»¹⁴², «не пытан ли и на руках нет ли салдацких рекрутных пятен» (тогда рекрутов клеймили. – О. У.). Но «ничего на нём не явилось»¹⁴³. Тем же вечером самозванец под караулом борцовских крестьян был препровождён в Терюшево¹⁴⁴, а утром с новыми «проводжатыми» был отправлен в Нижний Новгород¹⁴⁵.

3 или 4 февраля 1713 г. задержанный был представлен в Нижегородскую губернскую канцелярию («в приказную полату») ¹⁴⁶ и передан обер-коменданту князю Якову Степанову сыну Львову¹⁴⁷. Тот переправил Крекшина в тюрьму¹⁴⁸, и «держан был он, Андрей, за караулом недели с четыре...»¹⁴⁹ Не позднее 9 февраля его подвергли «ропросу».

[с. 215]

Самозванец реальные факты своей биографии обильно перемешал с вымышленными – например, сообщил, что родом он царедворец, а отец его – стольник, что сестру его зовут Марфой, что из дому он сбежал «тому года с три», жил в Сызрани и что в Борцово провёл только «недели з две»¹⁵⁰ За составление и хранение «воровского письма» (той самой бумаги с каракулями!)¹⁵¹ губернатор казанский и астраханский Пётр Матвеевич Апраксин¹⁵² повелел Андрея «бить кнутом, чтобы впред таких писем писать не заставлявал, также и другим так делать неповадно ж было, и сво[бо]дит оного Крекшина с роспискою, кому можно верить»¹⁵³. Примерно 4/6 марта Андрей был «бит на козле кнутом» и отпущен¹⁵⁴. За него поручился бывший подьячий Нижегородской губернской канцелярии Иван Федотов сын Белаш¹⁵⁵ (и как это Крекшин расположил его к себе?). Интересно, что осуждённый был уверен, будто его наказали за самозванство, о котором якобы донёс кто-то из его недавних знакомых¹⁵⁶. Кстати, и борцовские крестьяне думали так же¹⁵⁷.

Более года лжецаревич, судя по всему, бродил по Нижегородскому и Арзамасскому уездам Казанской губернии. При этом, как он сам потом говорил, «будучи де в тех уездах, на воровствах ни на каких нигде ни с кем он не бывал»¹⁵⁸. По неподтверждённым данным¹⁵⁹, одно время «жил он, самозванец, в нижегородской вотчине Михаила Ильина сына Чирикова в деревне Начинье у крестьян...»¹⁶⁰ Примерно летом 1714 г. Андрей обосновался «в Арзамасском уезде вь ясашном селе Сергиевском, Толчиха тож, у мордвина Павла Иванова»

и прожил там «в работе болши полугода». Видимо, в конце марта 1715 г.¹⁶¹ «от того мордвина пошёл было он к Москве»¹⁶².

5 апреля он добрался до с. Ворсмы¹⁶³, которое располагалось близ Оки на западной окраине Нижегородского уезда¹⁶⁴ и принадлежало князю Алексею Михайловичу Черкасскому¹⁶⁵. Из-за распутицы Крекшин там задержался¹⁶⁶. Он остановился на «постоялом дворе» крестьянина Афанасия Фёдорова и в течение двух суток «с того двора ходил на кабак и пил пьяное пойло безвременно»¹⁶⁷. В это же время «от москвичь проезжих людей, которые ехали с Москвы в Синбирск для покупки рыбы», самозванец узнал о том, что «отец де ево, Андреев, Иван умре тому другой год» (видимо, в начале 1714 г.)¹⁶⁸. Может, эта весть и стала причиной его пьянства? Но беда не приходит одна. Хозяин постоялого двора, которому Крекшин был подозрителен, его «от себя ссылал, и он... не пошел»¹⁶⁹. Тогда 7 апреля¹⁷⁰ местные крестьяне во главе со старостой, обозлённые тем, что им «чинятся безпрестанные... покражи и лошадам з дворов увод»¹⁷¹, схватили нашего героя и повезли в Нижний Новгород¹⁷².

8 апреля 1715 г. А. Крекшин вновь оказался в Нижегородской губернской канцелярии на положении арестанта¹⁷³. В этот же день¹⁷⁴ ему учинили «роспрос», и на сей раз доля вымысла в его показаниях была

[с. 216]

небольшой. Он лишь соврал, что прожил в «Урянском пригородке» не два года, а «лет с пять» и что именно оттуда пришёл в Ворсму. Андрей не скрыл, что уже был под караулом в Нижнем Новгороде, но о самозванстве умолчал¹⁷⁵. Возможно, и на этот раз его отпустили бы, наказав кнутом, но 23 апреля новый староста Терюшевской волости Фёдор Ефремов, «уведав о приводе того Андрея, подал челобитную...¹⁷⁶ со объявлением, что спрашивают того Андрея в Преображенской приказ в государеве великом деле»¹⁷⁷. Сразу же Крекшина вызвали на «роспрос», однако речь зашла о «воровском письме» 1713 г.¹⁷⁸. То, что перед ними самозванец, местные власти так и не узнали. Примерно в конце мая дело А. Крекшина¹⁷⁹ и он сам «под конвоем»¹⁸⁰ были посланы в Преображенский приказ.

Тамошние следователи, наверное, благодарили Бога за свою удачу. О том, что в нижегородской вотчине бывшего грузинского царя жил самозванный «царевич», они узнали 14 февраля 1715 г.¹⁸¹ от попа Григория Григорьевя из с. Успенского Терюшевской волости¹⁸². Тут же начался «сыск». Первые подследственные (в частности, А. Савельев и его сыновья) прибыли в Москву 14 марта¹⁸³, но «роспросы» и очные ставки начались лишь 30 марта – после того, как в Преображенское был доставлен С. Кривой, на которого ссылался поп Григорий¹⁸⁴. 4 и 6 апреля показания дали бывшие приказчики Арчила II (уже покойного) – участники первого задержания самозванца¹⁸⁵. Тут и выяснилось, что нижегородские власти проворонили государственного преступника¹⁸⁶. Признал свою вину и М. П. Бедаур, который «спустя многое время слышал... в народной молве... что тому приводному в Нижнем учинено наказанье – бит кнутом..., толко слышал в молве ж, будто он назывался государем царевичем... И о той молве не доносил простотою своею..., и чаял он по той молве те слова в лож[ь] и крестьянские вряки»¹⁸⁷. Но 15 мая¹⁸⁸ в Преображенское пришла весть, что лжецаревич опять сидит под караулом в Нижнем Новгороде¹⁸⁹. Туда сразу направили указ о высылке его в Москву¹⁹⁰.

18 июня 1715 г. арестант был принят в Преображенском приказе и подвергнут «роспросу». Андрей уже почти не лгал – рассказав о своей жизни, он признал себя самозванцем и тут же отрёкся от мифической ипостаси¹⁹¹. 22 июня был «роспрошен» Емельян Борисов¹⁹². Затем состоялись очные ставки А. Крекшина, Е. Борисова и С. Кривого¹⁹³. 5 августа лжемонарха подвергли пытке – дали 30 ударов кнутом. «А с пытки говорил: царевичем назывался он для того, чтоб ево в деревне Борцове поили и кормили»¹⁹⁴. Приговор по делу был оглашён 11 августа или чуть позднее (вероятно, вскоре после

освобождения последних свидетелей¹⁹⁵). Для Крекшина была предусмотрена такая кара: «Биф кнутом, саслат на катаргу на петнатцат лет»¹⁹⁶. Что с ним случилось – неизвестно; скорее всего, на каторге он и сгинул.

Напоследок нужно дать оценку концепции А. Лушина. Он фактически

[с. 217]

утверждает, что интересующий нас персонаж не был корыстолюбцем, а хотел что-то изменить в обществе. Историк полагает, что вызывающее поведение будущего самозванца было формой социального протеста, а не разгульным поведением дворянского недоросля, что имелись некие «силы, на которые в самом начале своей авантюры рассчитывал лжецаревич», и под этими силами явно разумеется оппозиция Петру I. Учёный также сформулировал гипотезу, что самозванство А. Крекшина было связано «с отказом крестьян села Лысково повиноваться в 1713 году законному» и что образ лжецаревича был намеренно искажён властями, ибо «судьям Преображенского приказа было выгодно в политическом плане представить самозванца алчным стяжателем, порочным человеком». Наконец, А. Лушин считает, что Крекшину был вынесен «относительно мягкий приговор», и потому историк задаёт риторический вопрос: «Не вступились ли за него силы, на которые в самом начале своей авантюры рассчитывал лжецаревич?»¹⁹⁷

Всесторонний и беспристрастный анализ архивных материалов опровергает изложенную концепцию. Крекшин действовал на свой страх и риск, причём действовал из корыстных побуждений. Он не был связан ни с придворной оппозицией, ни с народными движениями социального протеста. У него, по всей видимости, не было сторонников. Правда, у него были сочувствующие – человек шесть (они знали о самозванстве, но властям не донесли). С точки зрения типологии лжемонархов он – «авантюрист» и «народолюбец».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I (по материалам Преображенского приказа). М., 1957. С. 177–179; Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 118; Лушин А. Нижегородские самозванцы // Россия молодая. 1991. № 7. С. 73–74; Низовский А.Ю. Русские самозванцы. М., 1999. С. 121; Усенко О.Г. Неизвестные нижегородские лжемонархи // Мининские чтения: Труды науч. конф.: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород, 2007. С. 202–203, 205–207; *Он же*. Милый друг царевны Софьи // Родина. 2007. № 2. С. 36–37; *Он же*. Петровская родня из Нижнего // Родина. 2007. № 7. С. 62–66.

2. См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 3.

3. Датировка основана на предположении, что он женился примерно в 1692/1693 г. (см. ниже) и что тогда ему было 16–19 лет.

4. См.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 3.

5. Датировка основана на показаниях самозванца от 21 января 1703 г.: «И тому лет с шестнатцать отец ево, Петров, и он, Пётр, ис той деревни Уткина вышли и пришли жить в Сергацкую волость в село Можарово» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 3).

6. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 3.

7. Так как в конце октября 1702 г. детей «рспрашивал» воевода, им в то время должно было быть не менее 6 лет; этот вывод вполне согласуется с тем, что Китаев женился примерно в 1692/93 г.

[с. 218]

8. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 5.

9. Там же. Л. 9.

10. Там же. Л. 4 об.
11. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 296–298.
12. См.: Там же. С. 376–380; Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992 (репринт). Т. 2. Стб. 1918–1919.
13. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 4 об.
14. Там же. Л. 6.
15. Датировка основана на показаниях самозванца от 21 января 1703 г., согласно которым поп Н. Иванов впервые попытался его образумить «тому лет с пять» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 3 об.).
16. Датировка основана на указании самозванца от 21 января 1703 г., что Антихрист воцарился в России «тому ныне пятой год, насел перед Рождеством Христовым» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 4).
17. См.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 4, 4 об.
18. Пётр I, как участник Великого посольства, отсутствовал в Москве с 9 марта 1697 по 25 августа 1698 г. (Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство. СПб., 2003. С. 42, 268, 271).
19. См.: Чистов К.В. Указ. соч. С. 91–112; Покровский Н.Н. Обзор судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 50–59.
20. См.: Карта Нижегородской губернии // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 41 (XXI). С. 34–35.
21. См.: Там же.
22. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 3 об.
23. См. признание Петра в Преображенском приказе 21 января 1703 г. (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 4, 4 об.).
24. Основание для датировки – тот факт, что П. Китаев был схвачен не позднее конца октября 1702 г., раз 8 ноября в Москве уже была получена «отписка» о его аресте и «роспросе» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 1).
25. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 5, 6.
26. Там же. Л. 1.
27. Там же. Л. 1–1 об.
28. Там же. Л. 3–3 об.
29. Там же. Л. 5.
30. См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1901. Т. 63 (XXXII). С. 75.
31. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 3 об. – 4 об.
32. Там же. Л. 5–8.
33. Там же. Л. 9–10.
34. Типология лжемонархов подразумевает, во-первых, различие «реформаторов», «авантюристов» и «блаженных». «Реформатор» – это самозванец, который пытался увязать личные интересы с интересами своих сторонников и сочувствовавших ему людей, пытался изменить социальные порядки (например, участием в движении социального протеста) или хотя бы говорил о том, что общественно-политические преобразования необходимы и предусматриваются им в будущем. «Авантюрист» – это лжемонарх, который действовал только ради личной выгоды и не прикрывал свою корысть обещаниями популярных мер и привлекательными для народа лозунгами, который добивался своих целей путём дополнительных (по отношению к факту самозванства) нарушений правовых и моральных норм, принятых в той среде, где он вращался.

[с. 219]

«Блаженный» – это самозванец, который не собирается укрываться от властей, а наоборот, желает, чтобы они узнали о нём, наивно полагая, что после «проявления» его неминуемо ждёт официальное признание и обеспеченное будущее, что он обязательно займёт своё «законное» место – на троне или же рядом с ним.

Во-вторых, среди лжемонархов можно выделить синтетическую (с точки зрения предыдущей разбивки) группу «народолюбцев». К ней принадлежат лица, искавшие поддержки (неважно – с

какими целями) в среде непривилегированного и полупривилегированного населения и/или у рядовых военнослужащих (исключая тех служивых, что задерживали, арестовывали, конвоировали самозванцев и охраняли их в местах заключения).

35. А.Ю. Низовский ошибочно зовёт самозванца Алексеем (*Низовский А.Ю.* Указ. соч. С. 121).

36. См.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 41, 61 об., 62 об. – 63.

37. Он как-то признался, что «иноземными иностранными языки говорить не умеет» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 68 об.).

38. В декабре 1712 – начале 1713 г. ему давали около 20 лет (см.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 22 об., 23, 30 об., 44 об.).

39. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 41, 53 об., 61.

40. «Деловые люди – категория людей, занимающихся каким-либо делом, не обрабатывающих землю вообще или не имеющих своей земли» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 208), это «класс наёмных работников в Московском государстве», отдельный от крестьян и «задворных людей» (Словарь русского языка XVIII века. Л., 1991. Вып. 6. С. 91).

41. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 61.

42. Там же. Л. 61, 61 об.

43. См.: Там же. Л. 41.

44. См.: *Пернер М.И.* Хронологический справочник (XIX и XX века). Л., 1984. С. 30.

45. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 61 об.

46. В данном случае «завод» – снаряжение, оборудование, орудия труда (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 153).

47. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 61 об.

48. Там же. Л. 53 об., 68 об.

49. Там же. Л. 41, 61 об. См. также: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 178. А.Ю. Низовский ошибочно посчитал, что А. Крекшин сбежал, дабы укрыться «от царской службы» (*Низовский А.Ю.* Указ. соч. С. 121).

50. См.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 52 об. Это случилось незадолго до Пасхи – «в Великой пост на Страстной неделе» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 61 об.). Пасха в 1710 г. была 26 марта (см.: *Климшин И. А.* Календарь и хронология. М., 1985. С. 89–90, 310–311). Но самозванец не говорит, что ушёл накануне её, значит его побег нужно датировать 20/24 марта.

51. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 62.

52. См.: Карта Симбирской губернии // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 58 (XXIXa). С. 900–901.

53. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 62. См. также: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 178.

54. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 41.

55. Там же. Л. 62 об. Вареги – вязаные или валеные рукавицы, надевавшиеся под кожаные (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 19).

56. Называть самозванца «недорослем» позволяют его же слова: «А в службах де ни в каких он, Андрей, ... нигде не бывал» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 41 об.).

[с. 220]

57. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 62.

58. См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. 30 (XVa). С. 526–527.

59. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 23, 25, 63, 66.

60. См.: Карта Симбирской губернии...

61. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 62–62 об.

62. Там же. Л. 52 об.

63. Там же. Л. 62 об.

64. Там же. Л. 23, 62 об.

65. См.: Там же. Л. 23.

66. Там же. Л. 18 об., 23, 25, 30 об., 31, 44 об., 62 об.

67. Там же. Л. 18 об., 22 об., 23, 25, 30 об., 44 об. См. также: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 177; *Лушин А.* Указ. соч. С. 74.

68. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 25; *Пернер М.И.* Указ. соч. С. 30, 35. Согласно показаниям А. Савельева от 30 марта 1715 г., самозванец пришёл в д. Старое Борцово «тому ныне третьей год» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 21 об., 23) – стало быть, в 1712 г.
69. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 9 об. – 10, 13 об., 60.
70. Там же. Л. 5 об. – 6, 13 об., 20, 21 об., 30–30 об., 62 об.
71. Там же. Л. 5 об., 9 об., 17 об., 21 об., 30, 71 об.; *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 177–178; *Чистов К.В.* Указ. соч. С. 118; *Лушин А.* Указ. соч. С. 73. Об Арчиле и его родных см.: *Татишвили В.* Грузины в Москве: Исторический очерк (1653–1722). Тбилиси, 1950. С. 75–76, 79–80, 82–85, 93, 95, 97, 99, 105, 113–114, 127, 130; *Андроникашвили Б.Б.* «Надежд питомцы золотых...». М., 1992. С. 10–19, 22, 25–26, 105.
72. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 62 об. См. также: Л. 25.
73. Там же. Л. 25.
74. Там же. Л. 23.
75. Там же. Л. 62 об.
76. Там же. Л. 23 об. См. также: Л. 25.
77. Там же. Л. 63.
78. Там же. Л. 23 об., 25. См. также: *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 178.
79. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 63–64.
80. Там же. Л. 23 об.
81. Там же. Л. 25.
82. См.: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 178; *Лушин А.* Указ. соч. С. 74 (правда, историк местом «проявления» ошибочно посчитал с. Лысково).
83. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 25–25 об. См. также: Л. 23 об. –24.
84. А. Крекшин жил у А. Савельева «с неделю или болши» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 25), т. е. примерно с 6 по 18 декабря. Но до конца этого срока он сделал уже несколько «разглашений» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 23 об. –25 об., 64–64 об.), значит до «проявления» Крекшин прожил в Борцово минимум 3 дня. Наконец, «проявление» произошло в ходе праздничной гульбы, которая вряд ли продолжалась более недели.
85. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 64–64 об.
86. Там же. Л. 24. См. также: Л. 25 об.
87. См.: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 177–179; *Чистов К.В.* Указ. соч. С. 118–119; *Лушин А.* Указ. соч. С. 73–74; *Низовский А.Ю.* Указ. соч. С. 121.
88. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 10. См. также: Л. 22 об.
89. Там же. Л. 65 об.
90. См.: Там же. Л. 24, 26 об., 30 об. –31, 35–35 об., 68 об.
91. См.: *Чистов К.В.* Указ. соч. С. 30–32; *Усенко О.Г.* Самозванчество на Руси : норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 54–56; *Он же.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1997. Ч. 3. С. 38–52.

[с. 221]

-
92. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 27.
93. Там же. Л. 65.
94. Там же. Л. 65–65 об. См. также: Л. 74 об. –75.
95. Там же. Л. 74 об.
96. Основания для датировки: 1) этот разговор был «того ж году», как С. Кривой поехал в Москву; поехал же он туда в Великий пост (начинается за 7 недель до Пасхи) 1713 г.; в Москву он прибыл «в тот же Великой пост» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 19 об.), 2) в 1713 г. Пасха была 5 апреля (см.: *Климишин И.А.* Указ. соч. С. 89–90, 310–311), а Великий пост начался 16 февраля, значит С. Кривой отправился в Москву примерно в конце февраля/середине марта; 2) после разговора с Е. Борисовым С. Кривой слышал слухи о самозванце от иных людей – это могло быть лишь до отправления в Москву, т. к. «по приезде ево, Семёнове, с Москвы молвы о том самозванце ни от кого не стало...» (см.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 20).
97. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 18 об. См. также: *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 177; *Лушин А.* Указ. соч. С. 74.

98. См.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 9 об. – 10 об., 17–21, 72. См. также: *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 177; *Лушин А.* Указ. соч. С. 74.
99. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 19.
100. См.: Там же. Л. 10 об., 19, 27–27 об.
101. Там же. Л. 25 об.
102. Там же. Л. 24. См. также: Л. 25 об., 65 об. – 66 об.
103. См.: Там же. Л. 25 об.
104. Там же. Л. 66.
105. Там же. Л. 65 об. См. также показания Ф. Анисимова: «И по тому договору он, Фёдор, в то село Коврово с ним поехал. И приехали пятым днём...» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 25 об.). Кроме того, А. Савельев показал: «И после того спустя неделю, а имянно после праздника Рождества Христова на другой или на третьей ден ... тот ево сын привёз ево по-прежнему...» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 24–24 об.). Получается 27/28 декабря, и это согласуется с фактом, что путь занимал 4 дня.
106. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 25 об.
107. Там же. Л. 24 об.
108. Там же. Л. 26.
109. Там же. Л. 66 об.
110. Там же. Л. 68 об.
111. Там же. Л. 56.
112. Это почти целый лист каракулей, похожих на печатные буквы, с преобладанием знаков, подобных буквам А, П, Н и С, но без разбивки на слова (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 57).
113. «А по осмотру в Преображенском приказе, в том писме о чём писано, познать невозможно, потому что черкано пером неведомо что, а не азбучные слова» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 93).
114. См.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 24–24 об.
115. Там же. Л. 26.
116. См.: Там же. Л. 66 об. См. также: Л. 24–24 об.
117. Там же. Л. 24 об.
118. См.: Карта Нижегородской губернии...
119. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 66 об. –67.
120. Там же. Л. 67. См. также: Л. 26
121. См.: Там же. Л. 52.
122. Там же. Л. 22 об. См. также: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 177–178.
123. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 67.

[с. 222]

-
124. Там же. Л. 52.
125. См.: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 178; *Чистов К.В.* Указ. соч. С. 118; *Лушин А.* Указ. соч. С. 74.
126. По словам земского дьячка Степана Тельнова, это было «в... 713-м году генваря в последних или февраля в первых числах» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 44). По словам Я. Данилова, самозванец опять пришёл в д. Борцово «генваря... в последних числах», но извет старосты в Нижнем Новгороде датирован февралём (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 52).
127. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 67.
128. *Андроникашвили Б.Б.* Указ. соч. С. 105.
129. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 21 об., 30, 44 об., 67.
130. Там же. Л. 21 об., 26 об., 30–31.
131. Там же. Л. 67.
132. Там же. Л. 30 об.
133. Там же. Л. 22, 30–30 об., 44 об.
134. Там же. Л. 21 об., 26 об., 30–31, 39, 44 об.
135. Стало быть, утверждение, что Крекшин был задержан в доме крестьянина Аггея Михайлова, ошибочно (см.: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 178; *Лушин А.* Указ. соч. С. 74).

136. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 67–67 об. См. также: Л. 26. Полати – широкие нары для сна, которые устраивались в избах под потолком между печью и противоположной ей стеной (Толковый словарь русского языка. М., 1939. Т. 3. Стб. 511).

137. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 21 об.

138. Там же. Л. 22.

139. Там же. Л. 30 об. См. также: Л. 26 об.

140. Там же. Л. 35.

141. Там же. Л. 67 об.

142. Там же. Л. 35 об.

143. Там же. Л. 30 об. –31. См. также: Л. 26 об.

144. Там же. Л. 22, 67 об.

145. Там же. Л. 22, 24 об., 26 об., 31, 41 об., 44 об. –45, 56. См. также: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 177–178; *Лушин А.* Указ. соч. С. 74.

146. См.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 55, 56. Нижний Новгород входил в Казанскую губернию (см.: Отечественная история: История России с древнейших времён до 1917 года: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 438), тем не менее местная канцелярия именовалась «губернской» – видимо, потому, что в ней сидел вице-губернатор – помощник «губернатора казанского и астраханского» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 50, 53 об.).

147. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 26 об., 31, 41 об., 45. См. также: *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 178; *Лушин А.* Указ. соч. С. 74.

148. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 26 об., 31.

149. Там же. Л. 68.

150. Там же. Л. 52–53 об.

151. Там же. Л. 76.

152. Там же. Л. 53 об. – 54.

153. Там же. Л. 54.

154. Там же. Л. 68. См. также: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 178; *Лушин А.* Указ. соч. С. 74.

155. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 55.

156. Там же. Л. 76.

157. См.: Там же. Л. 22 об.

158. Там же. Л. 68 об.

[с. 223]

159. Эти данные – из доноса попа Г. Григорьева, который сообщил их со слов С. Кривого, но последний отрицал, что говорил о жизни самозванца в д. Начинье (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 21, 28 об.). Да и самозванец на следствии ничего об этом не сказал.

160. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 10 об.

161. Он ушёл во время Великого поста, который начинается за 49 дней до Пасхи; в 1715 г. Пасха была 17 апреля (см.: *Климшин И.А.* Указ. соч. С. 89–90, 310–311), значит Великий пост начался 28 февраля. Но уже 5 апреля самозванец был в с. Ворсма.

162. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 68.

163. Там же. Л. 41.

164. См.: Карта Нижегородской губернии...

165. См.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 26, 39 об., 68.

166. Там же. Л. 41, 68 об.

167. Там же. Л. 58. См. также: Л. 41.

168. Там же. Л. 68 об.

169. Там же. Л. 58.

170. Там же. Л. 41–41 об.

171. Там же. Л. 58. Стало быть, нужно признать ошибочным утверждение, что А. Крекшина вторично схватили именно за самозванство (см.: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 178; *Лушин А.* Указ. соч. С. 74).

172. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 39 об., 41–41 об., 68–68 об.

173. Там же. Л. 50 об., 58, 68 об.

174. Там же. Л. 50 об., 59.

175. Там же. Л. 41–41 об., 59.
 176. См.: Там же. Л. 60.
 177. Там же. Л. 39 об.
 178. См.: Там же. Л. 56.
 179. Там же. Л. 49 об.
 180. Лушин А. Указ. соч. С. 74.
 181. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 5.
 182. Там же. Л. 9 об. – 10 об. См. также: Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 177; Лушин А. Указ. соч. С. 73.
 183. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 13 об.
 184. См.: Там же. Л. 17–22, 23–28 об. См. также: Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 177–178; Лушин А. Указ. соч. С. 74.
 185. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 30–32, 34, 35–35 об., 39. См. также: Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 178; Лушин А. Указ. соч. С. 74.
 186. См.: Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 178; Лушин А. Указ. соч. С. 74.
 187. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 31–31 об.
 188. Там же. Л. 39.
 189. Там же. Л. 39 об.
 190. См.: Там же. Л. 39 об.
 191. Там же. Л. 61–68 об. См. также: Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 178–179; Лушин А. Указ. соч. С. 74.
 192. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 788. Л. 71–73.
 193. Там же. Л. 73 об. – 76.
 194. Там же. Л. 80.
 195. Там же. Л. 81.
 196. Там же. Л. 92. См. также: Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 179; Чистов К.В. Указ. соч. С. 119; Лушин А. Указ. соч. С. 74; Анисимов Е.В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 45.
 197. Лушин А. Указ. соч. С. 74.

[с. 224]

Приложение

**Список российских лжемонархов XVII века
(составлен О. Г. Усенко)***

В квадратных скобках указан период пребывания лжемонарха в его мифической ипостаси на российской территории – время от его «проявления» до разоблачения, а если такового не было, то до смерти или отъезда за границу. Сведения после квадратных скобок – это данные о подданстве, национальности, конфессии и правовом статусе самозванца накануне его «проявления». Знак вопроса означает гипотетичность данных.

1. «Царевич Дмитрий, сын царя Ивана IV», он же Лжедмитрий I [13 октября 1604 – 17 мая 1606] – Григорий (в миру Юрий Богданов сын Отрепьев) ?, российский подданный ?, русский ?, христианин (православный) ?, беглый монах ?

2. «Царевич Пётр, сын царя Фёдора Ивановича» [зима 1605/1606 – 10 октября 1607] – Илья (Илейка) Иванов сын Коровин (он же Горчаков) по прозвищу Муромец, российский подданный, русский ?, христианин (православный), «вольный» казак.

3. «Царевич Иван по прозвищу Август, сын царя Ивана IV» [лето 1606 – лето/осень 1608] – российский подданный ?, восточный славянин ?, христианин (православный) ?, «вольный» казак ?

4. «Царевич Фёдор, сын царя Фёдора Ивановича» [лето 1606 ? – перед 14 апреля 1608] – российский подданный ?, восточный славянин ?, христианин (православный) ?, «вольный» казак ?

5. «Царь Дмитрий, сын царя Ивана IV», он же Лжедмитрий II [12 июля 1607 – 11 декабря 1610] – польский подданный ?, еврей ?, христианин (православный) ?, бродяга ?

6. «Царевич Лаврентий (Лавр, Лавёр), сын царевича Ивана Ивановича» [осень 1607/начало 1608 ? – лето/осень 1608] – российский подданный ?, восточный славянин ?, христианин (православный) ?, «вольный» казак ?

* Этим приложением завершается публикация списка российских лжемонархов с 1604 по 1800 г., составленного О. Г. Усенко. На протяжении 3 последних выпусков «Мининских чтений» список печатался в обратном, ретроспективном, порядке. В публикации II части списка в результате ошибки макетирования был «потерян» текст сноски под знаком * (*Усенко О.Г. Неизвестные нижегородские лжемонархи // Мининские чтения: Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 214*): «Этот перечень является предварительным, т. к. ещё возможны уточнения по отдельным параметрам, характеризующим самозванцев». Редколлегия приносит свои извинения автору и указывает, что данное замечание распространяется и на эту публикацию.

См. также: *Усенко О.Г. Новые данные о лжемонархах в России XVII века // Вестник Московского ун-та. Серия 8 : История. 2006. № 2. С. 119–137; Он же. 17 самозванцев у русского трона // Родина. 2004. № 5; Он же. Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I // Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1.*

[с. 225]

7–13. «Царевичи, сыновья царя Фёдора Ивановича» – «Клементий», «Савелий», «Симеон», «Василий», «Ерофей (Ерошка)», «Гавриил (Гаврилка)», «Мартын (Мартынка)» [1607 ? – лето/осень 1608 ?] – российские подданные ?, восточные славяне ?, христиане (православные) ?, «вольные» казаки ?

14. «Царевич Осиновик, сын царевича Ивана Ивановича» [зима/весна ? – лето 1608] – российский подданный ?, восточный славянин ?, христианин (православный) ?, «вольный» казак ?

15. «Царь Дмитрий, сын царя Ивана IV», он же Лжедмитрий III [начало 1611 – 20 мая 1612] – Сидор (Исидор, Сидорка) или Матвей (Матюшка) ?, российский подданный ?, русский ?, христианин (православный) ?, беглый дьякон или дьяк ?

16. «Царь Дмитрий, сын царя Ивана IV», он же Лжедмитрий IV [1611 ? – начало ? 1612] – некто Гурий ?

17. «Султан Ахия (Иахия, Якия), в крещении Александр, великий князь Оттоманский, сын турецкого султана Магомета (Мехмеда) III»; «князь черногорский» [2 декабря 1625 – конец августа/сентябрь ? 1626] – иноземец (османский подданный ?), христианин (православный) ?, путешественник.

18. «Московский царевич» (= Иван, сын царя Дмитрия Ивановича и царицы Марии Юрьевны Мнишек ?) [вторая половина июня 1641 – начало 1642 ?] – Мануил Сеферов сын, по прозвищу Дербинский, персидский или польский подданный ?, армянин, христианин (член армяно-григорианской церкви ?), путешественник, арестант («за приставом»).

19. «Прямой потомок царя Александра Македонского, помазанник Божий» [перед 10 августа – после 18 сентября 1665 ?] – Андрей Николаев (Миколаев, Микулаев) сын по прозвищу Греченин, османский подданный, грек, христианин (православный), служилый иноземец без жалованья.

20. «Крымский хан» [между 14 сентября 1666 и концом августа 1667 ?] – Тарас Авдеев сын Сизиков, российский подданный, русский ?, христианин (православный) ?, военнослужащий (драгун).

21. «Царевич Алексей, сын царя Алексея Михайловича» [начало августа ? 1670 – перед 6 июня ? 1671] – российский подданный ?, восточный славянин ?, христианин (православный) ?, бродяга ?

22. «Святой» ? [лето 1666 – октябрь 1671 ?]; «царевич Алексей, сын царя Алексея Михайловича» [1/12 августа – 2/11 октября 1671] – Иван Алексеев сын Клеопин, российский

подданный, русский, христианин (православный), дворянин (сын боярский) без поместного оклада.

23. «Царевич Симеон, сын царя Алексея Михайловича» [конец октября/начало ноября ? 1673 – 15 ? сентября 1674]; «князь Семён

[с. 226]

Еремеев сын Вишневецкий, брат польского короля Михаила Корибута» [15 ? сентября 1674] – Семён Иванов сын Воробьёв, российский подданный, украинец ?, христианин (православный), донской «бурлак», «воровской казак».

24. «Царевич Матвей Леванович (Леонович) Дадиани, сын царя Мегрелии» (Левана II ? Левана III ?) [весна/лето 1681 ? – 14 июня 1682] – иностранец (подданный одного из грузинских государств ?), грузин ?, христианин (член грузинской церкви) ?, княжич ?, путешественник ?

25. «Побочный сын польского короля Яна III Собеского» [весна 1682/1683 ?] – Бризасье, именное прозвище – Поляк (Brisacier le Polonais), высланный из страны французский подданный, француз, христианин (католик) ?, путешественник, эмигрант.

26. «Царь Пётр, сын царя Алексея Михайловича» [25/30 ? марта – 28 апреля 1690] – Терентий Прокофьев сын Чумаков, российский подданный, русский, христианин (православный) ?, посадский человек, бродяга.

27. «Царевич Иван, сын царя Ивана IV» [21–26 октября 1690]; «бог» ? [21 октября 1690 – после 13 января 1691] – Иван Васильев сын, российский подданный, русский, христианин (православный – старовер ?), бродяга-нищий, арестант (в тюрьме).

28. «Первый капитан (капитан первой роты) Преображенского полка Пётр Алексеев» (= царь Пётр I) [7–31 ? января 1697] – Тимофей Евтифиев сын Кобылкин, российский подданный, русский ?, христианин (православный), посадский человек в торговой поездке.

[с. 227]
